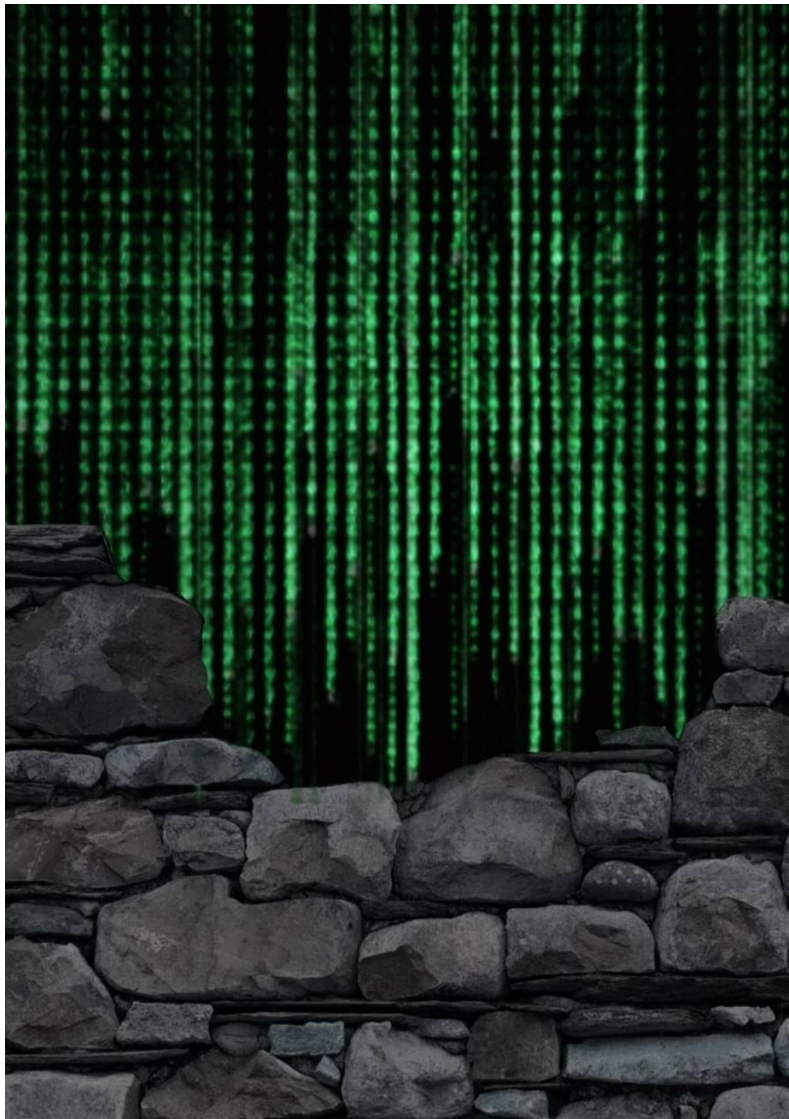

Берилл Йонн

Всё, что тебе нужно

<https://litres.ru/74520027>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте: вашего интернет-друга уже несколько дней нет онлайн, хотя до сих пор вы круглыми сутками были с ним на связи. Пусть вы никогда в жизни не виделись и живёте в сотнях километров друг от друга но что поделать, если ближе не нашлось человека, кто понимает вас лучше всех?

Так и началась история шестнадцатилетней Нади, или как её ласково называл лучший друг, Жабки. После его исчезновения, по почте приходит конверт без обратного адреса так в руки Наде попадает Тетрадь, которая становится путеводителем по городу и мыслям пропавшего. В то же время, кажется, сама реальность стирает воспоминания о нём. Наде предстоит сбежать из дома в другой город, чтобы понять, что случилось с её другом, был ли он сумасшедшим и существовал ли такой человек когда-либо вообще?

Содержание

I	4
II	9
III	18
IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Берилл Йонн

Всё, что тебе нужно

I

Три дня он не отвечал на сообщения.

Раньше мы переписывались днями и ночами. Я вздрагивала при каждом новом уведомлении, надеясь, что это он – мой единственный друг. Он всегда был готов меня выслушать и поддержать, с ним было интересно обсудить что угодно – от погоды за окном и до непонятных артхаусных фильмов. Вечерами мы созванивались по видеосвязи, смотрели вместе фильмы или играли, болтали до самой ночи...

Но мы никогда не виделись вживую.

Несмотря на это, мы знали друг о друге всё. Иногда мы обсуждали, что будем делать, когда встретимся в реальности. Мы мечтали об этом...

А теперь он не заходит в сеть. Три дня моё последнее сообщение висит непрочитанным. Последний раз он был онлайн ровно за минуту до того, как должен был получить от меня очередной мем.

Мы упустили тот момент, когда перестали здороваться в переписках и спрашивать, как дела. Мы постоянно были на связи, и наши разговоры могли начаться с любого места. Мы

читали мысли друг друга и угадывали настроение на расстоянии. У меня никогда не было такого друга в реальности.

Три дня назад я очень сильно ощутила, что ему плохо, и решила немного развеселить, отправив мем. К тому моменту он уже вышел из сети и с тех пор больше не появлялся.

Вообще, последнее время мой друг вёл себя странно: за последние пару недель уже случалось так, что он мог пропасть на несколько часов, а потом возвращался и, когда я задавала вопросы, он либо уходил от ответа, либо очень грубо посылал. И самое неприятное, что в такие моменты я сама сильно менялась в лице, потому что мама замечала и беспокоилась – но я лишь отмахивалась... Ей вовсе не стоит знать ни о моём друге, ни о шрамах на руках.

А я настолько менялась в лице после его раздражённых ответов, что даже девочки в колледже, которые обычно не обращали на меня внимания, спрашивали, всё ли у меня в порядке. «У меня просто лицо такое», - отвечала я, пытаюсь натянуть улыбку. Сомневаюсь, что стоит пытаться им всё объяснить – всё равно не поймут. Ведь никто меня не понимает так, как мой единственный друг – но и он в последнее время стал замкнутым. Раньше же мы были так близки, несмотря на расстояние в несколько сотен километров!

Я больше не могу ни о чём думать, поэтому изливаю эти запутанные и сумбурные мысли здесь. Что мне теперь делать, когда так хочется поделиться всеми накопившимися тревогами с ним, единственным человеком – но он пропал?..

В перерыве между парами, когда одноклассники вышли покурить, я стрельнула у одного сигарету и отошла от курилки, чтобы попробовать набрать моему другу. Может быть, он хотя бы возьмёт трубку? Держа телефон у уха, я надеялась и ждала, что вот сейчас все эти гудки закончатся, я услышу знакомый голос, возможно, сонный, и предвкушала облегчение, когда все тревоги испарятся в один миг.

Но этого не случилось. Безликий голос в трубке лишь констатировал: «Абонент не отвечает!» - так резко и громко, что у меня сердце упало. Я судорожно поднесла к губам сигарету и попробовала набрать номер снова. Результат тот же...

В следующий перерыв я тоже попыталась дозвониться до него. На этот раз даже не было гудков – сразу резкий звук в ухо и «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Я вздохнула и подумала, что может быть, тогда стоит написать ему СМС. «У тебя всё в порядке?» - написала я, но сообщение не отправилось.

После пар я вернулась домой особенно вымотанная. В моей голове зудели тревожные мысли: целый день я мысленно перебирала причины, почему мой друг не появлялся в сети – и она была особенно страшная...

Мы сошлись с ним на том, что как оказалось, испытывали до ужаса сходные чувства. Когда-то мама говорила мне, что это подростковое, пройдёт – и я верила ей. Только моему другу было уже двадцать лет – а у него, похоже, так ничего и не прошло. Он часто писал мне о том, каким чужим ощу-

щает себя в этой жизни, и я понимала его, ведь для меня это было больше, чем слова. Я ощущала это почти материально: как это – быть чужой в своей семье, среди одноклассников, одноклассников... Я тоже часто думала об *этом*.

Я зашла домой – и бабушка выглянула с кухни.

- А, пришла! – сказала она. – А я борщ сварила. Там тебе письмо пришло. От кого – не написано. Я тебе его на кровать положила. Давай, проходи...

Чтобы лучше слышать, что она там говорит, я сняла наушники.

- Ох, опять, ходит, не слышит ничего, - заворчала бабушка.

Это ворчание я пропустила мимо ушей. Я была очень усталая. Меня зацепило только, что она сказала о каком-то письме. Мне почти ничего не присылали обычной почтой, только пару раз мы с моим другом обменивались посылками и открытками к праздникам. При этом, мы не указывали на конвертах обратный адрес.

Он не предупреждал меня ни о каком письме...

На покрывале моей кровати - и правда - лежал конверт. Большой, не как обычный, а формата А4, ещё и довольно пухлый. Стоило мне взять его в руки, как тут же перехватило дыхание: мой адрес и моё имя были написаны знакомым почерком!

Но почему же он не предупредил?..

Я нетерпеливо принялась вскрывать конверт.

- От кого это? – поинтересовалась появившаяся в дверях за моей спиной бабушка.

- Да так, - передёрнула я плечами, резко прижав конверт к груди. – Наверное, какие-то курсы, на которые я хотела записаться. Бабуль, ничего важного. Просто – рекламная макулатура!

- Ну, смотри, - недоверчиво насупилась бабушка. – Иди ешь тогда, если ничего важного.

II

Оставшись наедине с конвертом, я закрыла дверь, чтобы теперь бабушка наверняка не пыталась смущать меня своим излишним интересом. Главное – чтобы она не донесла маме, ведь у бабушки бурная фантазия, если речь заходит о том, чтобы обвинить меня во всех грехах.

Я вскрыла конверт - и на покрывало выпала толстая тетрадь, от и до исписанная почерком моего друга, пластиковая карточка и лист бумаги, на котором тем же почерком написано письмо. Мне было трудно сразу разобрать почерк, похожий на кардиограмму, но вот, что я прочитала:

«Жабка, привет! Не знаю, когда ты получишь это, но надеюсь – скоро. Я благодарен тебе за всё то время, что ты проводишь со мной, и за всю ту поддержку, что ты даёшь. Может, последнее время так и не кажется, но это так. Я доверяю тебе очень сильно, как никому другому, ты знаешь, поэтому и решил показать тебе то, что очень важно для меня. Для этого ты должна как можно скорее ко мне приехать. Адрес ты знаешь. Всё, что тебе нужно, я организовал: я купил тебе билеты, подготовил место, где ты поживёшь, пока будешь в моём городе – от тебя требуется только согласиться. И я надеюсь, ты – согласишься.

Мы с тобой так давно мечтали увидеться! Прости, что мне пришлось пропасть. Если ты приедешь, то сможешь

убедиться, что со мной всё в порядке. Правда, встретить я тебя не смогу – но я подробно описал, как идти ко мне: всё, что тебе нужно ты сможешь найти в Тетради. Обязательно сохрани её.

Проверь почту: тебе должны прийти билеты. Поезд проходящий, на твоей станции он стоит только две минуты. Не опаздывай! На нём доедешь до *** и там сядешь на электричку ко мне.

Когда приедешь – обязательно попробуй напитки в кофейне на станции. Я сам часто захожу туда и беру холодный кофе с тапиокой и карамельным сиропом. Рекомендую. Кстати, там работает моя знакомая бариста.

Чтобы ты не тратилась, я даю тебе свою карточку. Пин от неё ты тоже найдёшь в Тетради. Можешь забрать себе насовсем – это мой подарок. На ней 10 000 #.

Пожалуйста, приезжай. Я обещаю, это займёт недолго, к счастью или сожалению – всего три дня. Но ты не представляешь, насколько это будет важно для меня! Не отказывайся. К тому же, я не знаю, когда у нас в следующий раз получится так увидеться и получится ли вообще.

Я надеюсь, ты согласишься, ведь ты доверяешь мне так же, как я доверяю тебе. Если ты сомневаешься, то знай: мне нет резона причинять тебе вред – ведь ты единственный человек в этом мире, кто очень-очень дорог мне, и не побоюсь сказать, кого я люблю. Ты единственная, кто остался со мной и был рядом всё это время. Мне было бы недоста-

точно благодарить тебя за всё, что ты сделала, только словами – я хочу выразить всю благодарность к тебе действиями. Только если ты приедешь ко мне...

Я не причиню тебе зла, я не прикоснусь к тебе, если ты того не захочешь – только приезжай! Это всё, что тебе нужно сделать, обо всём остальном я позаботился.

Прости меня за молчание и за моё поведение. Так было нужно. Ты узнаешь всё сама, когда мы встретимся.

Если ты примешь решение и согласишься приехать, пожалуйста, не говори об этом родителям заранее. Думаю, но ты понимаешь, что так они не отпустят тебя неизвестно к кому неизвестно куда. Лучше оставь им записку и приложи к ней моё фото. Его ты найдёшь в Тетради. На обратной стороне мой адрес – чтобы они не волновались.

Пожалуйста, приезжай. Ты нужна мне.

Д.»

Буквы письма прыгали перед моим взглядом; у меня тряслись руки, а на глазах выступали слёзы. Господи, что он задумал?!

Стук в дверь комнаты напугал меня.

- Надюшка! – настойчиво звала бабушка. – Ты идёшь?!

Что так долго?! Всё остынет!

- Иду! – спешно отозвалась я.

- Иди-и! – передразнила из-за двери бабушка.

У меня сводило дыхание. Я засунула всё содержимое обратно в конверт, кажется, чуть-чуть помяв бумаги, и заки-

нула его под подушку. Наскоро переодевшись в домашнюю кофту, я вышла на кухню. Бабушка уже поставила мне на стол тарелку борща и баночку сметаны, а сама села смотреть своё ток-шоу по телевизору.

- Спасибо, бабуль, - сказала я, выдвигая табуретку.

Она отвлеклась от экрана и повернулась ко мне.

- Олады будешь? – спросила бабушка, а затем резко перевела тему, окинув меня критическим взглядом. – Тебе с длинным рукавом-то не жарко?

- Нет...

И бабушка снова начала ворчать:

- Вот другие девочки – ходят в футболочках по фигуре – вот самый возраст, когда вы стройненькие все, хочется же как-то покрасивей выглядеть; а ты вечно вырядишься как капуста... Ещё и волосы эти на лицо – собрала бы! Ты же девочка!

- Баб, мне так удобно, - возразила я, опустив ложку, и потянулась за солонкой. – Ты совсем не солила, что ли?

Последние пару лет бабушка, которая всегда так вкусно готовила, как будто начала терять этот навык: котлеты регулярно сгорали или, наоборот, недожаривались и в середине оставался сырой фарш, супы иногда совсем выкипали и получалась подгоревшая каша – и всё было либо пресным, либо пересоленным. Как будто бабушке надоело готовить для нас с мамой и она решила устроить саботаж. Вообще, за ней уже давно появились странности...

Когда я написала об этом своему другу, он ответил, что это похоже на деменцию – такое было с его бабушкой.

За едой я проверила почту. Чтобы бабушка не видела, я держала телефон под столом. Я редко захожу в почтовый ящик, и там копится много спама. Однако, среди всех мусорных рассылок, я действительно нашла письмо с прикреплённым железнодорожным билетом. Поезд отправляется уже завтра! В час ночи!

- Что ты там под столом? – раздражённо спросила бабушка, оборачиваясь ко мне. – Опять в своём телефоне сидишь? Сколько тебе повторять: не отвлекайся ты за едой!

Я закатила глаза, но телефон всё равно убрала.

- У меня не получится не отвлекаться за едой, - при этом возразила я. – Ты, вон, телевизор на полную громкость смотришь! – Я пыталась не выдать голосом то, что у меня внутри всё дрожит.

- Так что? Мне теперь телевизор посмотреть нельзя?! – возмутилась бабушка. – В комнате-то сломан! Мне теперь из-за этого свою передачу пропускать?

- Баб... Да я ничего не говорю, - вздохнула я, болтая ложкой сгустки сметаны в остывшем борще.

Борщ был такой пресный, что даже чайная ложка соли не помогла. Кажется, бабушка изначально забыла добавить что-то в бульон. Вообще, она всегда бросала в кастрюлю к мясу морковь и луковицу. Меня бесил разварившийся лук в супе, но без него, как оказалось, получается совсем отврати-

тельная жижа.

Бабушка смотрела, как в студии шоу мамка залетевшей малолетки мутузит её парня, который по-хорошему, годится беременняшке в отцы. Мне тоже стало интересно, хотя за шумом и криками в студии я совсем не понимала, кто прав, а кто виноват. Весь этот бред на экране отлично помогает отвлечься от тревоги внутри своей головы.

Иногда, когда я смотрела с бабушкой эти шоу, или как она их называла – передачи, и происходящее на экране меня цепляло, я писала об этом своему другу. Он брезговал таким контентом и отвечал, что такие шоу нужны для того, чтобы выставить их участников в дурном свете и зрители, на их фоне, считали себя лучше. И он был прав, конечно же – он был прав! Ведь мой друг был очень умным человеком, оттого с ним было интересно, и я многому научилась у него.

- Ну вот видишь, - обратилась я к бабушке, - ты жалуешься, что я постоянно сижу в телефоне. А было бы лучше, если бы я сидела в этой студии, беременная в пятнадцать лет?

- Бог с тобой, Надюшка! – отмахнулась бабушка. – Да тебе и не пятнадцать ведь!

Я только самодовольно ухмыльнулась. Бабушка посчитала это разрешением продолжить свой монолог:

- Тебя мать-то твоя тоже рано родила! Не в пятнадцать, конечно, но – тоже... Сколько ей было? Двадцать?.. двадцать один? И ничего же – вырастили!

Я промолчала: опустим тот факт, что растила меня, пре-

имущественно, бабушка. Она же почти всю мою жизнь читала нотации маме, когда та в очередной раз возвращалась пьяная со своих гулек. Мой друг жалел меня и говорил, как это неправильно, когда я вспоминала своё детство: как ночью, думая, что я сплю, за стенкой громким шёпотом скандалят бабушка с мамой. И ему было это знакомо: его отец спился и умер, когда моему другу было только четырнадцать.

- А ты вот, - продолжала причитать бабушка, - дома сидишь, как сын. В твоём возрасте надо гулять – с подружками, с мальчиками. Потом-то – не погуляешь: там и работа, и дети уже... А так – будет что вспомнить хоть.

Я только вздохнула, подумав: «Ну, во-первых, ты же не хочешь, чтобы я, как мать, возвращалась домой за полночь на сломанных каблуках? – но вслух не сказала. – Во-вторых, наличие меня почему-то никак не мешало моей матери бухать». Не моя ли бабушка высказывала мелкой мне всё, что думает о моей матери, которая пропадает неизвестно где? Не моя ли бабушка сгоряча сказала восьмилетней мне, что моя мать – шлюха, потому что залетела неизвестно от кого?..

Надо пойти собрать рюкзак. Если бабушка так хочет, чтобы я иногда выходила из дома – то тогда я поеду к своему другу. Складываю только самое необходимое: смена белья, деньги, паспорт, носки, зарядник... Тетрадь.

Достав из-под подушки конверт, я села на кровать и достала Тетрадь. Интересно, что такого важного может быть там написано, что мой друг отправил её мне и несколько раз

отсылал к ней в письме?... Зачем вообще в век смартфонов кому-то могло понадобиться записывать что-то вот так? Это же неудобно, в конце концов.

Записи в Тетради были какие-то разрозненные, некоторые – как будто написаны в спешке. Они не все даже были горизонтальные: какие-то шли вертикально, какие-то наискосок, совсем пренебрегая разметкой. Были и какие-то вклейки: рекламные флайеры, случайные вырезки из газет и журналов. Были странные и пугающие рисунки, схемы. Кажется, кое-где я заметила даже бурые пятна застывшей крови... Казалось, я держу в руках дневник сумасшедшего.

Когда я листала Тетрадь, то обнаружила, что в ней действительно вложена фотография моего друга с адресом на обороте. Я узнала этот кадр: мой друг, как и я, не очень любил фотографироваться, и в самом начале нашего общения он отправлял мне именно эту свою фотографию. На ней он улыбался, и у него проступали милые ямочки на щеках. Он вообще был милый, хотя и называл себя уродом, загонялся из-за внешности! Конечно, для меня его внешность была чересчур хорошенькой и в жизни мне такие парни не нравятся, но в целом, думаю, вокруг него было много девчонок, которые любовались его смазливой мордашкой. А ведь даже у него есть комплексы!

Меня вообще травили за внешность в школе... Во-первых, я всегда была дылдой, а во-вторых, у меня большой рот, как у лягушки, нос с горбинкой и очень густые брови... У

меня никогда не получалось краситься так, чтобы скрывать свои недостатки, и с макияжем я выглядела нелепо. В шестом классе у меня вообще начались прыщи, от которых на лице ещё и остались следы...

В отличие от других девочек, я никогда не выкладывала своих фото: котики и смешные картинки выглядят куда приятнее моего лица. Когда мы с другом начали общаться, я долго стеснялась отправлять ему свои селфи. Когда я смогла преодолеть стеснение, мой друг огорошил меня комплиментами. Он стал первым человеком, кроме мамы, кто сказал, что я красивая. Его слова вселили в меня какую-то уверенность, так что я без всяких раздумий кидала ему фото с лицом почти каждый день и, в конце концов, не побоялась показаться по видеосвязи. А когда я обмолвилась, что загибаюсь из-за своего роста, мой друг спросил, не думала ли я стать моделью.

III

Я убрала его фото в Тетрадь и проверила телефон: может, он ответил? Нет. Ничего. От этой пустоты сжимается сердце. Наверное, надо написать, что я получила его конверт и что я... приеду. Если он хочет, если я ему нужна – я должна приехать! Тем более - что он купил билеты для меня и даже прислал банковскую карту с деньгами! Кстати, где она? Надо бы убраться в кошелёк.

Карточка завалилась в конверте. Из-за того, что она плоская и её трудно заметить сразу, сначала показалось, что я её уже потеряла! Я взяла её в руки и решила рассмотреть. Она была от другого банка, не от того, которым пользуются мои мама и бабушка, поэтому мне стало интересно. На карточке было выгравировано настоящее имя моего друга – Денис Морозов. Это было так странно: мы привыкли обращаться друг к другу прозвищами. Я всегда называла его Дин и даже не задумывалась о том, что на самом деле его зовут Денис!

А вообще – он прислал мне свою настоящую банковскую карту! Он рассчитывает на меня. Я не могу подвести своего друга, иначе это будет уже не дружба.

Я ещё раз пролистнула Тетрадь. В письме мой друг написал, что там записан пинкод от карты. Но среди записей столько разных числовых сочетаний! Какое-то время, номера телефонов и ещё много непонятных цифр... На самой

последней странице, внизу, выделено маркером сочетание: 8096. Или – 9608? Учитывая, что записи в этой Тетради расползаются как тараканы...

0000

8888

9999

6666

9696

Я ещё раз, более внимательно просмотрела все цифры в Тетради. Оказывается, судя по всему, где-то он ещё применял и двоичный код, но больше всех в записях встречаются именно эти четыре цифры: ноль, шесть, восемь и девять. Я задумчиво поднесла к губам уголок пластиковой карточки, снова отлистала Тетрадь в конец. Взяв лежавшее в конце фото, я перевернула его и вчиталась в адрес на обороте: улица Космическая, 9, квартира 80. Даже в адресе эти цифры... Забавно, если ещё окажется шестой этаж.

И день рождения у моего друга – восьмого сентября. Вот это совпадение...

Я перевернула фотокарточку и всмотрелась в его лицо.

Что же ты такое задумал? Что с тобой? Где ты? почему не отвечаешь? Знаешь, если бы в моей жизни так часто встречались одни и те же цифры, то наверное, я бы тоже использовала их как пинкод для своей карты.

Отложив его фото, я задумалась.

Это всё так странно... Я слушала так много трукрайм-

подкастов – и это похоже на то, как будто меня решил заманить к себе маньяк. Но этого же не может быть! Мы общались столько лет, причём я далеко не сразу назвала свой возраст... Только в свой день рождения, когда мне исполнилось пятнадцать, я сказала об этом – на что мой друг смутился и признался, что всё это время думал, что общается с ровесницей. К тому же, он всегда был очень добрым: присылал умильные видео с котятами, когда я однажды подралась с одноклассницей – успокаивал меня и осудил физическое насилие. Однажды, когда мы в очередной раз обсуждали, что делали бы при личной встрече, он написал: «сначала я спрошу, можно ли тебя обнять». Он мог бы не спрашивать, я бы, наверно, позволила ему всё. И совсем скоро я его увижу!

В конце концов, он написал в письме оставить это фото с его адресом. Разве маньяк бы так поступил? А это был его реальный адрес – я отправляла по нему письма и посылки. Он их получал и присылал фото с тем, как их распаковывает.

Я как раз собрала и спрятала рюкзак к тому моменту, как с работы пришла мама. Её встретила бабушка, как всегда – с жалобами на меня.

- Я тебе говорю: ей кто-то опять конверты присылает. Спроси, там, проверь, что это...

- Не сейчас, я устала, мам.

- Ну ты потом проверь. Мало ли. Вдруг там – наркотики? Ну надо же как-то её контролировать!

- Ну, у неё же там есть какой-то мальчик. Может – это он?

Всё, слушай... Ну я только пришла!

- Мальчик? Что за мальчик? Почему она нас с ним не знакомит? Ох, ну смотри! Запустишь дочь – будет такой же, как ты! Жизнью-то ребёнка интересоваться надо иногда. Принесёт ещё в подоле... как – ты.

- Ну мам! Хватит!

Каждый вечер проходит одинаково: мама возвращается с работы, бабушка жалуется ей на меня, а дальше – опционально: мама ругается со мной или с бабушкой, я ругаюсь с мамой и бабушкой, мы ругаемся все троём. Наиболее частый сценарий – последний. Вечеров, которые бы проходили спокойно, в нашей семье почти не бывает. На удивление, сегодня оказалось именно такой.

После ужина мама просто позвала меня к себе и спокойно спросила:

- Бабушка сказала, тебе там что-то прислали. Она волнуется. Скажешь, что там?

Маме я ответила то же самое, что и бабушке, ещё добавила:

- Да я уже выбросила!

- Да? Ну ладно. Бабушка как всегда...

Несколько лет назад мама «взялась за голову»: бросила пить, нашла постоянную работу. Она даже стала лучше выглядеть. Другой человек! Но всё ещё - чужой... Несмотря на все её изменения, мы так и не сблизились и, наверное, уже никогда не сблизимся, как бы горько это ни было. Я завидо-

вала другим детям, у которых мамы были рядом: приводили в школу, клали вкусняшки в рюкзак, забирали вечером с кружков... У меня всё это делала бабушка, пока мама была где-то... Как я могу довериться ей сейчас, если в мои семь она была неизвестно где?

- Надюш, - устало вздохнула мама, - ты только не сердись на бабушку. Она уже старенькая, понимаешь... - и мамины губы как-то так странно поджались, сложились. Мне на миг показалось, что если она сейчас не заплачет, то уж точно скажет что-то тяжёлое, болезненное. – Ладно. Она просто переживает за тебя. Потому что любит.

- А разве, когда любят, подозревают безосновательно и обвиняют во всех грехах? – вырвалось у меня.

- На-адя! – возмутилась мама, но тут же сменила тон, только отмахнулась. – Ой, всё, иди отсюда. Дай отдохнуть.

Я пожала плечами и пошла к себе. По крайней мере, у меня было, чем заняться: надо написать записку, которую я оставлю. Я села за стол и вырвала лист из тетради с конспектами.

Такое знакомое чувство... Как-то я уже пыталась написать записку, но она должна была быть приурочена к другому поводу. В какой-то момент мне стало так страшно, что задрожали руки, и я просто не смогла держать ручку. Тогда я решила поделиться сомнениями с тем, кто точно поймёт – с моим другом. Он сказал, что это хорошо, что мне страшно. Ещё он сказал, что если это сделаю я, то придётся и ему –

потому что тогда у него не останется людей, ради которых стоило бы жить. Потом он позвонил мне, и мы проболтали всю ночь. Наутро по дороге в колледж в укромном местечке я сожгла недописанную записку и после, каждый раз, когда в моей голове появлялись мысли о смерти, я прогоняла их, думая о своём друге.

А что, если он сам сделал *это*?! И поэтому прислал мне свою карту – потому что ему она больше не нужна? Что, если я сейчас приеду на похороны?..

Нет, нет, нет! Он не может так поступить! Вот же – он написал, что с ним всё в порядке. Иначе бы это было очень жестоко с его стороны. И в конце концов, он бы наверняка сказал мне, если бы задумал что-то – мы договаривались. Что это за дружба, в которой не соблюдают договорённости?

«Мама и бабушка! – начала писать я. – Я уехала к своему другу. Не ищите меня. Вернусь через три дня. Чтобы вы не волновались, мой друг прислал вам своё фото и адрес. Простите, что не предупредила заранее – вы бы меня не отпустили.

Надя».

Ночью, когда я думала, мама и бабушка уже уснули, я прошла на кухню заварить себе в дорогу чай в термосе. Когда чайник закипал, в дверях кухни появилась бабушка. Как и всегда, на ней была старая рваная ночнушка, волосы растрёпаны со сна. Я испугалась и уже думала, как буду объяснять своё полуночное чаепитие, но в этом явлении чувствовалось

что-то странное. Бабушка смотрела как-то непривычно широко раскрытыми глазами. Она выглядела удивлённой. Она озиралась по сторонам, пыталась схватиться за что-то.

Послышался звук воды, потёкшей на линолеум. Не сразу поняв, где течёт, сначала я посмотрела на потолок, на мойку в углу кухни... Бабушка стояла в дверях. Теперь она пусто смотрела на меня. Я увидела, что на полу под ней медленно увеличивается лужа.

- Вот чёрт, - прошептала я и бросилась к бабушке. – Ба, ты чего?! Ба-аб! Эй!

Я не контролировала свою громкость в суете и случайно разбудила маму. Она, сонная, вышла в коридор и медленно, но возмущённо заговорила:

- Вы чего не спите? Ты чего расшумелась? Время - ночь-полночь...

Она двинулась к нам.

- Мам, осторожно, не наступи.

- Что случилось? О, боже! Ладно. Я помою бабушку и отведу спать, а ты протри это.

Мама увела бабушку в ванную.

У меня оставалось не так много времени, но делать нечего. Я взяла ведро, тряпку и принялась оттирать бабушкину лужу с пола. Оно пахло просто отвратительно, а оттого, что мне пришлось с этим соприкасаться, пусть и в перчатках, горло передавило спазмом. Я еле сдерживала рвотные позывы.

Когда мама с бабушкой, наконец, ушли спать, я подождала ещё немного. Всё стихло. Максимально бесшумно я прокралась в прихожую, наощупь всунула ноги в кроссовки и, не завязывая шнурков, вышла из квартиры. Когда я закрывала дверь, мне показалось, я на секунду разучилась дышать. Лишь бы дверь случайно не скрипнула, не сорвалась и не хлопнула. Только когда она закрылась без единого звука, я вдохнула.

До станции я бежала – ведь поезд стоит у нас только две минуты. Я запыхалась, но успела, когда он ещё не подошёл.

Ночью прохладно – я заметила это только когда отдышалась. На платформе в бледно-серебристом свете фонарей я была совершенно одна. Меня провожали тёмные чужие дома. Только кое-где в их мрачной армаде тускло светились окна. Издалека доносился гул машин. Я присела на холодную скамейку и достала телефон. Никаких новых сообщений. Я оглянулась через плечо.

Может, ещё не поздно вернуться?..

IV

У меня был билет на верхнюю полку в купе. Снизу на одной полке спала женщина, а на другой – её сын лет десяти. На столике у прикрытого шторкой окна позвякивали стаканы в подстаканниках. В стеклянных гранях играл свет, осторожно проникавший из-под шторы. Я закинула рюкзак к себе и следом залезла сама. Я очень не хотела будить своих попутчиков, но когда случайно стукнулась макушкой о потолок – громко чертыхнулась.

Несмотря на то, что атмосфера ночного купе располагала ко сну, равно как и убаюкивающий стук колёс по рельсам, заснуть получилось не сразу. Всё-таки, раньше я не уходила настолько далеко от дома. Но возвращаться уже поздно.

Расположившись на верхней полке, я с головой залезла под простыню и принялась листать Тетрадь, подсвечивая себе страницы фонариком на телефоне.

*НПС Арина. Локация: кофейня на станции
АН 806 М 99*

Записи спутанные - и мысли путаются. В конце концов, меня сморило. Проснулась я от того, что меня будила проводница.

Когда я сходила на незнакомой станции, где от платформы начиналось поле, проводница по-матерински беспокойно посмотрела на меня и спросила:

- Вас здесь кто-то встретит?

Я кивнула и попрощалась.

Было раннее утро. Над полем клубился туман, окутывая проклюнувшиеся светло-зелёные проростки. Туман лежал на рельсах и в леске за железнодорожной насыпью. Там, между деревьев, темнели пятна болот. Тихо. Ни души.

Я смотрела на утреннее солнце, неспешно озаряющее небосвод. Я так далеко от дома – подумать только... Не верится. Может, всё это мне просто снится – и я сейчас проснусь в своей комнате и увижу непрочитанное сообщение от моего друга.

Говорят, во сне нельзя увидеть свой телефон. Но вот он, к сожалению – в кейсе, со всеми наклейками, я держу его в руках. Место, казалось бы, и глухое, но связь есть.

Я обрадовалась, увидев новое СМС. Это он написал мне?!

Нет. Это оператор поприветствовал меня в другой области...

Рельсы зазвенели. В тумане проявился фонарь локомотива. Прибывающая электричка обдала округу резким, протяжным гудком. Моя.

На этой забытой богом станции нет билетных касс...

Я пила крепкий чай из термоса, чуть терпкий, и любовалась восходом. Никогда в жизни ещё я не встречала восхода настолько далеко от дома, считай – в чистом поле... Так странно и безмятежно: утренняя прохлада, пелена тумана, счастливые чёрные птицы и – безмятежность. Ни о чём не

думается – ни о плохом, ни о хорошем.

Электричка обдала округу свистом, выдернула меня в реальность.

Я вышла в незнакомом городе на станции. В животе урчало: после обеда с бабушкой я так ничего и не ела. Вечером я не ужинаю, а всю дорогу сюда, пока не спала, пила чай из термоса и совершенно безнадёжно ждала, что мой друг мне что-то напишет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.